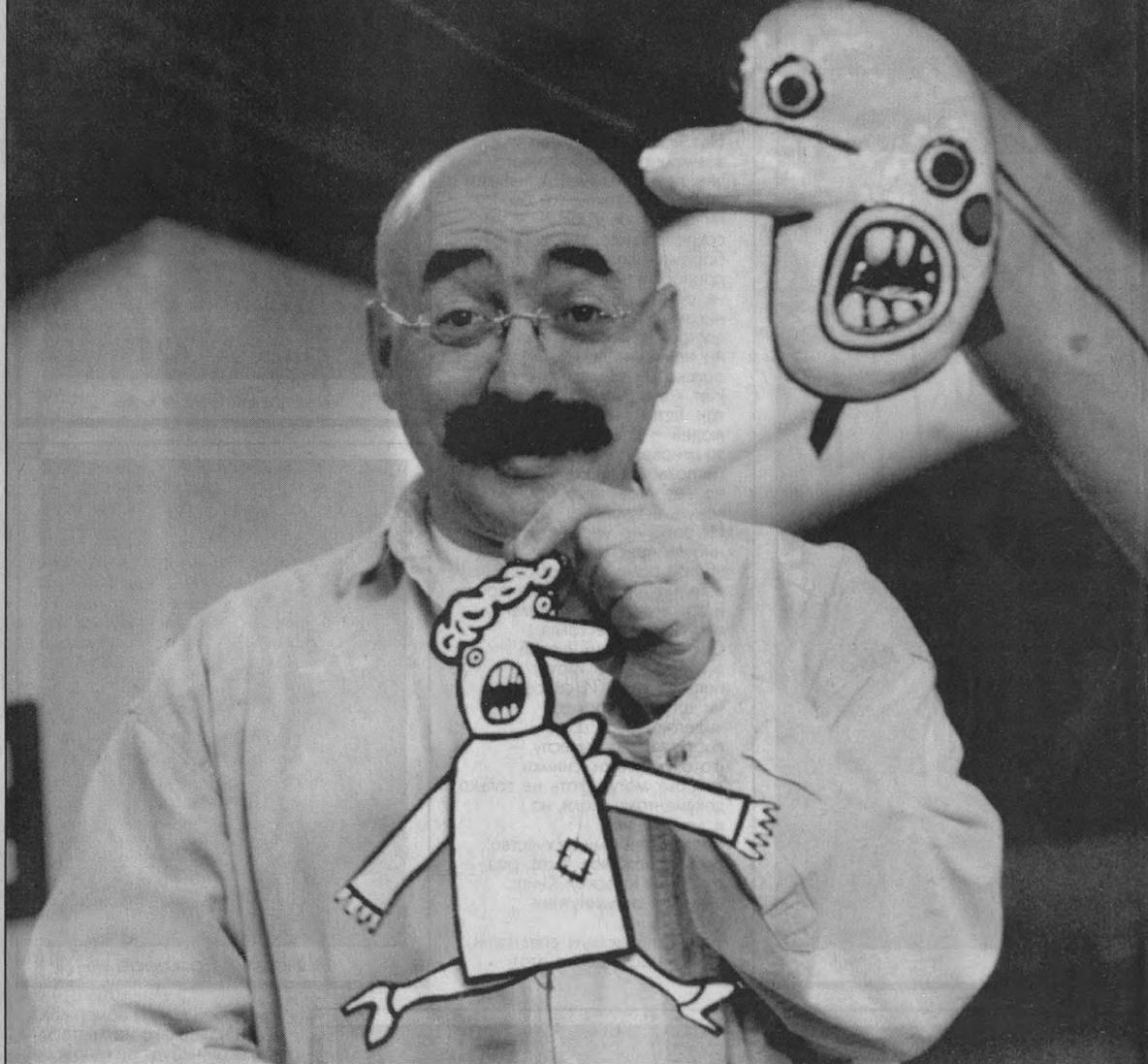

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

ХУДОЖНИК В ПОИСКАХ ГРАНЕНОГО СТАКАНА

Андрей БИЛЬЖО:

О Д Н А Ж Д Ы ПЕТРОВИЧ ВСТРЕТИЛСЯ С АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВОЙ

Он рисовал с детства и поступил в медицинский институт. Потом вернулся к рисунку — теперь это были карикатуры. Злободневные, остроумные и — почти с самого начала — популярные. Потому что соответствовали времени, были талантливы, появились в первых номерах «Коммерсанта», нашли своего читателя, а главное — героя. Стойкий совок Петрович импонировал заблудившимся в перестроенной России соотечественникам. А его создатель, не менее оптимистичный Андрей Бильжо, продолжал искать абсурд в современной действительности и создавать новые проекты. Начиная с популярного клуба «Петрович» и заканчивая... Впрочем, планов еще много.

— Андрей Петрович, а почему именно медицинский?

— Наверное, прельщала романтическая часть профессии. Медицина — это и книга Аксенова «Коллеги», и Амосов. Но быстро понял, что хирургом вряд ли стану, а психиатрия меня увлекла. И вот...

— ...И вот вы мозговед в программе «Итого». Как вы там появились? И еще вопрос, связанный с конфликтом на НТВ: передача теперь будет выходить на ТВ-6?

— Появился я спустя месяца два после ее создания. Три с лишним года в программе. Переходим на ТВ-6. Будем какое-то время существовать — не знаю, с тем же ли задором и энтузиазмом.

— Как вам помогает образованное психиатра?

— Все тексты построены на знании психиатрии, в диагнозах, поставленных нашим политикам, использованы медицинские знания.

— Образ мозговеда — ваша задумка?

— Само слово «мозговед» придумал Шендерович. Параллельно с «правдорубом» Игоря Иртеньева. А образ серьезного человека с ключиком и в таком смешном галстуке — я.

— Вернемся назад, к Петровичу. Как он родился и почему вы выбрали для него именно такое то ли имя, то ли отчество?

— Петрович, пожалуй, одно из немногих отчеств, где проговариваются все буквы полностью. У большинства («седаец») половина слова (Иваныч, Палыч, Саныч). Наверное, «Петрович» приятнее языку из-за буквы «р».

А еще Петрович — это человек, который весел и любит выпить. Родился он вскоре после создания «Коммерсанта», так что Петровичу уже десять лет. Хотя рисую-то я карикатуры лет двадцать пять. За это время успел сформироваться некий абсурдный стиль, я много печатался в «Известиях»; в прогрессивной тогда газете «Россия» уже был мой персонаж, которого потом стали именовать Петровичем.

— От героя Петровича перейдем к клубу с тем же названием. На сегодня «Петрович» — одно из самых популярных и вместе с тем необычных заведений столицы. А как все начиналось?

— С появлением Петровича многие бизнесмены (особенно с этим отчеством) стали собирать карикатуры. Самолетом видел в нескольких офисах папки, на корешке которых написано было «Петрович». Побочная жизнь появилась у героя. И я задумался: скажем, картинку с изображением Петровича можно было делать на посуде, футболках — графика линейная, довольно узнаваемая. Потом я сделал выставку в галерее «Роза Азора», где была нарисованная одежда Петровича, нарисованная еда Петровича на бумажных тарелках, какие-то случаи из его жизни. Почти история. Году в 93-м мне захотелось сделать какое-то простран-

ство, где было бы приятно проводить время, не только попить и поесть, но и что-то посмотреть. Где была бы сквозная игра. Потом все это сформулировалось в тезисы: чтобы это была домашняя история, теплая, ностальгическая, без всякой политики, с юмором и иронией. Я высказал эту идею Игорю Писарскому, он в свою очередь Алексею Ситникову (который по отчеству Петрович). Им понравилось, и они откликнулись вложить в это деньги. А дальше уже всякая рутина: поиск помещений, ремонт... Тогда не было ностальгии по прошлому, исчезла советская эстетика. Трудно было найти даже граненый стакан.

— Но ведь не для всех Петрович ассоциировался именно с постсоветской тематикой.

— Здесь у каждого свое восприятие. Петрович («совок»). Не хороший и не плохой, а просто персонаж, который родился в Советском Союзе и живет между тем временем, которое было, и тем, которое никак не наступит. Вот в этой, как я говорю, промежуточной он и существует, пытается осмыслить новые слова, понятия, появившиеся в новой России. Думаю, что его популярность во многом отсюда, потому что читатели «Коммерсанта» в основном такие. Они занимаются бизнесом, говорят на разных языках. Тем не менее, как и мы, родились в Советском Союзе и несут в себе все положительное и отрицательное той эпохи.

— У клуба оригинальный дизайн. Как удалось достичь такой атмосферы?

— Для меня сделать ресторан — это как поставить спектакль или снять фильм. Я пишу сценарий и как режиссер его разрабатываю. Со мной вместе работают художник и скульптор, которые занимается дизайном. Они — «ведущие актеры», а в целом мы все соавторы. И существуют «продюсеры», которые вкладывают свои деньги и должны обладать чутьем — приблизительно это будет или нет. Кстати, когда мы делали клуб «Петрович», никто не предполагал, что он будет коммерческим. Инвесторы («продюсеры») надеялись только вернуть вложенные деньги. А теперь, насколько я знаю, они готовы делать новые рестораны... Уже сами.

— Говорят, некоторые элементы интерьера были подарены посетителями?

— Да. Совсем недавний подарок — вышивка, висит в рамочке. Крестиком, 57-й год. Там голубь мира летит. Это фестиваль молодежи и студентов. Подарил ее Вадим Юсупович Абдрашитов, один из лучших наших режиссеров, который снял «Парад планет», «Время танцора», «Остановилась поэзия». Есть личные вещи Игоря Иртеньева — бритва «Харьков», например.

— Со временем «Петрович» как-то меняется?

— Например, появился отдельный маленький зал, который называется

«Кухня» — как культурологическое понятие: московская кухня, где собирались интеллигенция. Этот зал ближе к 60-м — 80-м годам. Совсем недавно открылся в тезисы: чтобы это была домашняя история, теплая, ностальгическая, без всякой политики, с юмором и иронией. Я высказал эту идею Игорю Писарскому, он в свою очередь Алексею Ситникову (который по отчеству Петрович). Им понравилось, и они откликнулись вложить в это деньги. А дальше уже всякая рутина: поиск помещений, ремонт... Тогда не было ностальгии по прошлому, исчезла советская эстетика. Трудно было найти даже граненый стакан.

— А публика меняется?

— Публика появляется новая — больше людей узнает о клубе. Спустя год-полтора стала появляться молодежь. Основной состав остается тот же самый: 80 процентов людей, которые занимаются творчеством — журналисты, художники, писатели, поэты, рекламщики, артисты, политики. «Несчастный случай» отмечал юбилей, два вечера подряд в клубе «Петрович» провел Давид Коперфильд. Сказал, что это одно из лучших мест на земном шаре, что здесь очень хорошая аура.

— А как вам кажется, в карьере карикатуриста вам способствовала больше удача, судьба, или это плод исключительно личных усилий?

— Думаю, все вместе: время, чутье, поиск своего стиля, работоспособность. Карикатура — прикладная вещь, она может существовать на страницах периодики, выходящей ежедневно. Значит, нужно много выдавать этих картинок. У меня выходит по 10-14 в неделю. Нужно, чтобы сочеталось качество и количество.

— А как же вдохновение?

— Ну... Это довольно романтическое слово. Не уверен, что подходит к карикатуре. Когда работаешь в ежедневной газете, никого не интересует, есть у тебя вдохновение или нет. Просто когда есть вдохновение, все, быть может, получается совершенно классно и здорово. Когда его нет — чуть хуже. Но ты должен делать свою работу.

— Интересно, как человек, который рисует карикатуры, видит мир.

— В нашей стране абсурда больше чем достаточно. Сто человек пройдут мимо, а один увидит нелогичность и скажет остальным: «Посмотрите, это же полный абсурд!». В этом и состоит задача художника-карикатуриста. Можно сказать напрямую, а можно инсинуативно. Мне интересна сегодня политическая карикатура на общечеловеческие темы: предательство в политике, глупость — а не на конкретные. Конкретика же быстро умирает и каждый день меняется. Я пытаюсь все переварить, соединить несоединимое и выдать картинку. Например, американцы выслали 55 наших дипломатов, считая их шпионами. А мы еще кого-то. Если я буду рисовать напрямую, как выселяют дипломатов — это одно. А если думать на тему шпионов, получается что-то другое. Почему бы, к примеру, крокодилу Гене не спросить странного Чебурашку, не американский ли он шпион? Тогда по-

лучается абсурд, картинка эта будет жить гораздо дольше.

— На какое время у вас заключен контракт с «Коммерсантом»?

— До 2000 года. Контракт уже кончился. Сейчас я его не перезаключил на бумаге, но наши обязательства сохраняются. Поэтому ссылка на газету обязательна.

— А как вы, вернее, ваш герой, попали в «Однако»?

— Мы просто стали делать мультфильмы и предлагали НТВ. Леонид Парфенов тогда был продюсером, трижды пытался пробить проект. Но что-то где-то не совпало. В конце концов мультфильмы взяли на ОРТ, и Петрович появился в программе «Однако». Специально мы эти мультфильмы не делали — они были нарисованы по моим старым картинкам. На ОРТ я ожидал большей творческой отдачи: была идея соединить все это в один фильм — полнометражное кино, где истории с Петровичем сменялись бы хроникой. Но зафиксировалось все на «Однако». На телевидении не все так творчески, как может показаться. Сделали в общей сложности восемьдесят фильмов, получили за них диплом «Петрович как культурное явление» на Анимационном фестивале в Тарусе. Я очень ценю, что об этом проекте положительно отзывались лучшие наши аниматоры — Норштейн, Татарский, Хржановский.

— Что вы думаете о ситуации, сложившейся сейчас на канале НТВ, и как один из сотрудников, и просто как человек творческой профессии?

— История очень драматичная, почти шекспировская. Я работаю на НТВ, но для меня это одна из профессий. А для большинства людей НТВ — это значительная часть жизни, вдруг ставшая трагедией: приходилось принимать решение — переходить в неизвестность или оставаться в ней же. Не каждый мог уйти, все сломать, резко изменив свою жизнь. И приход НТВ на ТВ-6 — не менее драматическая ситуация. Журналистам уже сложившегося канала теперь опять же некуда деваться. Думаю, для многих это станет серьезным нравственным переделом. Такое ощущение, что власти предрешали довольно профессионально все смешали, и невозможно отделить одно от другого.

— Для вас это борьба за свободу слова или все же передел сфер влияния?

— Думаю, всего помногу. Свобода слова тоже стоит денег, и не бывает экономики без политики. В этой истории меня больше всего возмущают события, связанные с судами, которые отменяли принятые накануне решения. Мало кто говорит о том, что Газпром потратил на судебные процессы большую сумму, чем та, которую ему должен НТВ. Становится ясно, что дело не только в долгах. Мне не нравится, когда художники (в широком смысле слова) приходят вместе с чиновниками, чтобы оккупировать канал, и делают это ночью. Ведь всегда можно найти правильную форму. Скорее всего, именно форма меня и бесит больше всего, как человека визуального, художественного восприятия.

Думаю, что можно было решить все благороднее. То же и с приходом на ТВ-6: здесь единственным оправданием может быть то, что люди находились в состоянии аффекта.

— Что Андрей Бильжо как мозговед думает о нашей стране сегодня?

— В психиатрии прогноз вообще дело неблагоприятное. Предсказывать что-то здесь сложно: не знаешь, чем все закончится. Так же и с Россией. Пока особого оптимизма нет. Но все равно верю, надеюсь.

— А какой у него взгляд на собственное будущее и ближайшие проекты?

— В конце мая — начале июня должна выйти книга под названием «Азбуквы». Четыре года мы хотели ее издать. И у нее, кстати, четыре автора: Маша Головановская — автор идеи, замечательная писательница, профессор-филолог. Она придумала совершенно новый вариант азбуки. Аня Левычкина с ней писала текст. Я нарисовал картинки. Ира Тарханова сделала дизайн. Мы с удовольствием работали над этой книгой, это был совместный на последнем этапе творческий процесс, когда художник вмешивается в сферу филолога и наоборот. Кроме того, выйдет моя книга — «Петрович и другие». Порядка 320 страниц, в твердом переплете, в суперобложке. Стоить будет довольно дешево. Важный для меня проект: если после карикатуриста останется книжка, хоть одна, это уже хорошо. Нарисованы тысячи рисунков, какие-то устарели. До этого выходило 5-6 книг, но маленьким тиражом. В этой будет порядка 300 иллюстраций, тираж 3000 экземпляров. Она интересно построена — не по разделам, но картинки будут связаны друг с другом, причем связей будет много, и каждый из читателей найдет для себя свои. Плюс ко всему записан диск — десять песен, которые я сочинил и спел с ансамблем «Последний шанс». Он тоже выйдет в конце мая. Сейчас мы сделали сингл с четырьмя песнями, и он был разослан подписчикам журнала «Домовой». Называется этот диск «Маленькие московские трагедии», поддерживал проект Артемий Троицкий. Есть песни про пейджер, мобильный телефон. Так что сразу три проекта.

— «Азбуквы» — книга для детей. Как это сочетается с солидными, «взрослыми» карикатурами?

— Мои карикатуры нравятся детям. Письма приходят. Выступал в «Орленке» — шутки про Петровича они просекают быстрее взрослых.

— А насколько в вас самом сидит этот ребенок? И какая больше нравится аудитория — детская или взрослая?

— Ребенок сидит безусловно. А вообще, мне нравится публика умная, не серая, не жлобская, тонкая, с запасом культуры, с чувством юмора, и главное — с самобытностью. У детей этого больше, на каком-то этапе они все это теряют и становятся взрослыми.

Встречалась
Ника ДРАБКИНА